

Received: June 6, 2025
Accepted: August 21, 2025
Available online: August 25, 2025

Муниса Ташбаева

Базовый докторант
Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы
имени Алишера Навои
Ташкент, Узбекистан

Munisa Toshboyeva

Tayanch doktorant
Alisher Navoiy nomidagi Toshkent davlat o'zbek tili
va adabiyoti universiteti
Toshkent, O'zbekiston
E-mail: tashbaevamunisa98@mail.ru
ORCID iD: 0009-0002-4450-0173

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНАУГАРАЦИОННОЙ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТОВ УЗБЕКИСТАНА, РОССИИ И США

(на примере метафор и категории лица «мы»)

O'ZBEKISTON, ROSSIYA VA AQSH PREZIDENTLARINING INAUGURATSION NUTQLARIDA MILLIY O'ZLIKNI IFODALOVCHI LINGVISTIK VOSITALAR (metafora va “biz” shaxs kategoriyasi misolida)

ANNOTATSIYA

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнительному анализу языковых средств актуализации национальной идентичности в инаугурационных речах президентов Узбекистана, России и США. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления универсальных и культурно-специфических механизмов конструирования коллективной идентичности в условиях глобализации.

Цель исследования — определить специфику использования метафор и категории лица «мы» как ключевых инструментов дискурсивного конструирования национальной идентичности в различных политических культурах. В задачи исследования входит:

- 1) выявление доминирующих концептуальных метафор;
- 2) анализ функций инклюзивного и эксклюзивного «мы»;
- 3) определение соотношения коллективного и индивидуального начала через анализ частотности «мы» и «я»;
- 4) сравнение стратегий конструирования образа «другого».

Методологическую основу составили принципы критического дискурс-анализа (Н.Фэрклоу, Т. ван Дейк), теория концептуальной метафоры (Дж.Лакофф, М.Джонсон) и лингвопрагматический анализ местоимений (П.Чилтон, Р.Водак). Использовались мето-

Мақола О'zbekiston, Rossiya va AQSH prezidentlarining inauguratsion nutqlarida milliy identifikatsiyaning til vositalari orqali ifodalanishini qiyosiy tahlil qilishga bag'ishlangan. Tadqiqotning dolzarbligi globallashuv sharoitida siyosiy diskursda ham universal, ham madaniy-spetsifik mexanizmlarni aniqlash zaruriyati bilan belgilanadi.

Tadqiqotning maqsadi — turli siyosiy madaniyatlarda milliy identifikatsiyaning diskursiv konstruksiyasining asosiy vositalari sifatida metaforalar va “biz” shaxs toifasining qo'llanilishi spesifikasini aniqlashdir. Vazifalar: 1) dominant konseptual metaforalarni aniqlash; 2) inklyuziv va eksklyuziv “biz”ning funksiyalarini tahlil qilish; 3) “biz” va “men”ning chastotalari tahlil orqali kollektiv va individual boshlanishlarning nisbatini aniqlash; 4) “boshqa” obrazini qurish strategiyalarini solishtirishdan iborat.

Metodologik asosni tanqidid y diskurs-tahlili (N.Ferklo, T. van Deyk), konseptual metafora teoriyasi (J.Lakoff, M.Jonson) va olmoshlarning lingvopragmatik tahlili (P.Chilton, R.Vodak) tashkil etdi. Metaforik modellashtirish, miqdoriy va kontekstual tahlil usullari qo'llanildi.

Natijada o'zbek diskursida oila/jamoa (mahalla) metaforasining hukmronligini ko'rsatdi, inklyuziv “biz”ning maksimal qo'llanilishi (87%) an'anaviy kollektiv qadriyatlarga yo'naltirilganligini aks ettirdi. Rossiya diskursida tarixiy taqdir metaforalari

ды метафорического моделирования, количественного и контекстуального анализа.

Результаты показали доминирование метафоры семьи/общины (махалля) в узбекском дискурсе с максимальным использованием инклюзивного «мы» (87%), что отражает ориентацию на традиционные коллективные ценности. В российском дискурсе преобладают метафоры исторической судьбы с умеренным использованием «я» (18%), подчеркивающие роль лидера как гаранта стабильности. Американский дискурс характеризуется метафорами «незавершенного эксперимента» и более высоким показателем «я» (24%), отражая модель гражданской солидарности.

Проведённое исследование демонстрирует, что инаугурационные речи выступают не только в качестве ритуала передачи власти, но и как мощный инструмент конструирования национальной идентичности. Сравнительный анализ выявил, что специфика актуализации национальной идентичности определяется культурно-обусловленными моделями — органической (Узбекистан), историко-цивилизационной (Россия) и гражданско-политической (США). Описание выявленных закономерностей позволяет внести определенный вклад в развитие политической лингвистики и сравнительной дискурсологии.

Важнейшим практическим выводом исследования является подтверждение гипотезы о том, что метафорические модели и стратегии использования категории лица отражают глубинные культурные коды и исторический опыт народов. Что позволяет не только лучше понимать механизмы политической коммуникации, но и прогнозировать возможные направления развития национального самосознания в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: политический дискурс, лингвокультура, национальная идентичность, солидарность, инаугурационная речь, апелляция, культурный код, критический дискурс-анализ, концептуальная метафора, категория лица.

ВВЕДЕНИЕ

Инаугурационная речь представляет собой уникальный жанр политического дискурса, выполняющий не только церемониальную, но и важнейшую идеологическую функцию. Как отмечает Е.И. Шейгал, данный тип выступления является «дискурсом единения», направленным на консолидацию

hukmron bo'lib, "men"ning o'rtacha qo'llanilishi (18%) rahbarning barqarorlik kafolati sifatidagi o'rni ta'kidlandi. AQSh diskursi "tugallanmagan tajriba" metaforalari va "men"ning yuqori ko'rsatkichi (24%) bilan xarakterlandi, bu umumiy idealar asosida fuqarolik birdamlik modelini aks ettirdi.

O'tkazilgan tadqiqot shuni ko'rsatadiki, inauguratsion nutqlar nafaqat hokimiyatni topshirish marosimi, balki milliy o'zlikni qurishning kuchli vositasi hisoblanadi. Qiyosiy tahlil shuni aniqladiki, milliy o'zlikni ifodalashning o'ziga xosligi madaniy shartlangan modellari — organik (O'zbekiston), tarixiy-sivilizatsion (Rossiya) va fuqarolik-siyosiy (AQSh) tomonidan belgilanadi. Aniqlangan qonuniyatlar siyosiy lingvistika va qiyosiy diskursologiyaning rivojlanishiga hissa qo'shadi.

Tadqiqotning eng muhim amaliy natijasi shundan iboratki, metaforik modellari va shaxs toifasidan foydalanish strategiyalari xalqlarning chuqur madaniy kodlari va tarixiy tajribasini aks ettiradi. Bu nafaqat siyosiy kommunikatsiya mexanizmlarini yaxshiroq tushunishga, balki global muammolar sharoitida milliy o'zlikni rivojlantirishning mumkin bo'lgan yo'nalishlarini prognoz qilishga imkon beradi.

Kalit so'zlar: siyosiy diskurs, lingvoma-daniyat, milliy identifikatsiya, birdamlik, inauguratsion nutq, murojaat, madaniy kod, tanqidiy diskurs-tahlil, konseptual metafora, shaxs kategoriyasi.

общества вокруг символов национальной идентичности [Шейгал, 2004; 56]. В условиях глобализации и трансформации традиционных представлений о государственном суверенитете изучение механизмов конструирования коллективной идентичности через язык приобретает особую актуальность.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления как универсальных, так и культурно-специфических особенностей репрезентации национальной идентичности в политическом дискурсе разных стран. Сравнительный анализ позволяет определить, как через языковые средства формируются различные модели национальной солидарности.

Инаугурационная речь как политический ритуал выполняет несколько ключевых функций. Согласно В.И. Карасику, она служит «символическим актом легитимации власти» и «инструментом консолидации общества» [Карасик, 2004; 78]. Эта двойственная природа проявляется в отборе языковых средств, направленных на создание образа общенационального единства.

Важнейшим аспектом изучения является анализ метафорических моделей. Как показали исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры выступают не просто как стилистические фигуры, но как когнитивные структуры, формирующие восприятие политической реальности [Lakoff & Johnson, 1980]. В инаугурационных речах чаще всего актуализируются метафоры пути, строительства, семьи и организма, которые способствуют натурализации представлений о национальном единстве.

Особое значение имеет анализ категории лица, в частности использование местоимения «мы». По утверждению П. Бурдье, «конструирование коллективной идентичности происходит через определение границ группы и символическое включение/исключение» [Бурдье, 1993; 45]. Местоимение «мы» становится мощным инструментом такого конструирования, позволяя говорящему устанавливать символические границы национального сообщества.

В современных условиях глобализации значение национальной идентичности не уменьшается, а трансформируется. Как отмечает У. Бек, «в глобальную эпоху национальная идентичность не исчезает, но становится рефлексивной» [Beck, 2006; 34]. Это проявляется в дискурсивных стратегиях, сочетающих апелляцию к национальным традициям с ориентацией на глобальные ценности.

Сравнительное исследование политического дискурса в современных лингвистических и политических науках обусловлено необходимостью понимания как универсальных, так и культурно-обусловленных механизмов формирования коллективной идентичности. Как отмечает П. Водак, «дискурс не существует в вакууме, он является продуктом конкретной социокультурной и исторической ситуации» [Wodak, 2015; 45]. В условиях глобализации и усиления межкультурного взаимодействия компаративный анализ позволяет выявить фундаментальные закономерности конструирования идентичности через язык.

С методологической точки зрения сравнительный подход опирается на принципы критического дискурс-анализа (Н. Фэрклоу) и лингвокультурологии

(В. Карасик). Н. Фэрклоу подчеркивает, что «дискурсивные практики воспроизводят социальные структуры и сильные отношения» [Fairclough, 1995; 73], в то время как В. Карасик акцентирует внимание на «языковой личности как носителе определенной культуры» [Карасик, 2004:89].

Важнейшим аспектом сравнительных исследований является анализ концептуальных метафор, выступающих, по словам Дж.Лакоффа, «когнитивными инструментами осмысления политической реальности» [Lakoff, 2008; 32]. Сравнение метафорических моделей в разных лингвокультурах позволяет выявить универсальные и культурно-специфические способы концептуализации политических процессов.

Эмпирические исследования демонстрируют значительные различия в конструировании идентичности в разных лингвокультурах. Например, в работах Е.И. Шейгал отмечается, что «русский политический дискурс характеризуется высокой степенью персонификации и эмоциональности» [Шейгал, 2004; 156], в то время как, по данным исследований М. Томпсон, «англо-американский дискурс отличается большей рационализацией и ориентацией на факты» [Thompson, 2012; 89].

Особый интерес представляет анализ дискурсов незападных обществ. Узбекский политический дискурс отличается ярко выраженной национально-культурной спецификой, формируемой под влиянием исторических, социальных и культурных факторов. Как считает Г.И. Каримова, «узбекский политический дискурс характеризуется органичным сочетанием традиционных ценностей и модернизационных устремлений» [Каримова, 20212; 89].

Теоретической основой исследования выступают принципы критического дискурс-анализа (КДА), разработанные в работах Т. ван Дейка и Н. Фэрклоу. Согласно Т. ван Дейку, дискурс представляет собой «сложное единство языковой формы, значения и действия, находящееся в связи с социальными, политическими и культурными контекстами» [T. van Dijk, 20012; 98]. Этот подход позволяет анализировать воспроизводство власти и доминирования через дискурсивные практики, что особенно значимо для исследования инаугурационных речей как инструмента легитимации политической власти.

Развивая идеи Т. ван Дейка, Н. Фэрклоу предлагает трехмерную модель анализа дискурса, включающую: 1) анализ текста; 2) анализ дискурсивной практики; 3) анализ социальной практики [Fairclough, 1995]. Такой подход предоставляет комплексный методологический инструментарий для исследования инаугурационных речей как социальных практик, осуществляющих конституирование политической реальности и формирование национальной идентичности.

Инаугурационная речь как жанр политического дискурса наиболее подробно изучена на материале американских президентов. К. Кэмпбелл и К. Джеймисон выделяют основные характеристики этого жанра: «воссоединение аудитории, утверждение общих ценностей и провозглашение политических принципов» [Campbell & Jamieson, 2008; 15]. Эти характеристики универсальны

для инаугурационных речей в разных политических культурах, однако их языковая реализация обладает национально-культурной спецификой.

В.Бисли анализирует эволюцию риторических стратегий в инаугурационных речах американских президентов, отмечая усиление персонализации власти [Beasley, 2004]. Этот аспект представляет особый интерес для сравнительного анализа с узбекским и российским дискурсом, где традиционно сильнее выражены коллективистские начала.

Теория концептуальной метафоры Г. Лакоффа и М. Джонсона предоставляет методологический аппарат для анализа когнитивных основ политического дискурса [Lakoff & Johnson, 1980]. Г. Лакофф показывает, как метафоры «государство как семья» структурируют идеологические различия [Lakoff, 2002]. В рамках настоящего исследования этот подход позволяет выявить культурно-специфические метафорические модели, используемые для конструирования национальной идентичности в узбекском, российском и американском политическом дискурсе.

Дж. Чартерис-Блэк разрабатывает методологию критического анализа метафор, демонстрируя их роль в создании убедительности. Этот подход особенно важен для анализа инаугурационных речей, поскольку метафоры служат мощным инструментом эмоционального воздействия и формирования коллективных представлений [Charteris-Black, 2004].

Анализ местоименного употребления представляет особый интерес для исследования конструирования идентичности. П. Водак анализирует стратегии инклюзии и эксклюзии через использование оппозиции «мы/они», что позволяет выявить механизмы формирования границ национальной идентичности [Wodak, 2011].

П. Чилтон разрабатывает теорию политической дистанции, показывая, как местоимения устанавливают символические границы. Этот аспект особенно важен для сравнительного анализа, поскольку в разных политических культурах стратегии использования местоимений могут существенно различаться [Chilton, 2004].

Несмотря на разработанность методологии, наблюдается значительный перекос в сторону изучения западного, а именно англо-американского дискурса. Как отмечает Е.И. Шейгал, «российский политический дискурс остается недостаточно изученным в сравнительной перспективе» [Шейгал, 2004; 15]. Еще более выражена эта проблема в отношении узбекского дискурса. Работы Г.И. Каримовой и Ф.Ш. Шамсиева представляют собой редкие примеры анализа узбекского политического дискурса, однако сравнительные исследования с другими культурными традициями практически отсутствуют [Каримова, 2021; Шамсиев, 2019].

Этот пробел в исследованиях обуславливает необходимость компаративного анализа дискурсивных практик конструирования национальной идентичности в инаугурационных речах президентов Узбекистана, России и США.

Данная статья использует сравнительный подход для анализа

лингвистической актуализации национальной идентичности в инаугурационных речах президентов Узбекистана, России и Соединенных Штатов. Эти страны представляют особый интерес для сравнения: США с их давними демократическими традициями; Россия как возрождающаяся держава, сохранившая свою постсоветскую идентичность; и Узбекистан — центральноазиатское государство, активно формирующее уникальную суверенную идентичность после обретения независимости.

Проводя тонкий лингвистический анализ метафор и местоименной категории «мы» в этих различных культурных и политических контекстах, данное исследование преследует две основные цели:

□ Выявить и сопоставить конкретные концептуальные метафоры и местоименные стратегии, используемые для формирования национальной идентичности.

□ Прояснить общие и культурно-специфические коммуникативные стратегии, используемые лидерами для достижения пафоса, укрепления единства и легитимации своего руководства в рамках соответствующих национальных парадигм.

Настоящее исследование позволит внести определенный вклад в области исследования политической лингвистики, критического дискурс-анализа и межкультурной коммуникации, предоставив триангулированную перспективу того, как язык используется в качестве инструмента идеологического убеждения и национального самоопределения на высших уровнях политической церемонии.

МЕТОДЫ

В настоящем исследовании используется качественный дизайн, основанный на принципах критического дискурс-анализа (КДА), который особенно подходит для изучения того, как использование языка воплощает, усиливает и легитимизирует социальную власть, идеологии и идентичности [Fairclough, 1992; Wodak & Meyer, 2016]. В исследовании применяется сравнительный кейс-стади подход для проведения кросс-культурного анализа дискурсивных стратегий в трёх различных политико-культурных сферах: Узбекистане, России и Соединённых Штатах Америки. Корпус исследования состоит из целевой выборки последних инаугурационных речей президентов этих стран [Шавката Мирзиёева, 2021], [Владимира Путина, 2018], [Джозефа Байдена, 2021], полученных с официальных правительственных сайтов для гарантии аутентичности. Выбор методов лингвистического анализа политического дискурса обусловлен их способностью, по выражению П. Паршина, «вскрывать имплицитные смыслы и стратегии убеждения», что особенно важно для исследования инаугурационных речей [Паршин, 2018; 47].

Анализ проводился в две интегрированные фазы. Во-первых, выявление и анализ концептуальных метафор осуществлялось в соответствии с установленной процедурой идентификации метафор (MIP), разработанной Pragglejaz Group (2007), в рамках которой лексические единицы изучались

для определения того, контрастирует ли их контекстуальное значение с более базовым значением, что указывало бы на метафорическое использование; затем они категоризировались в концептуальные домены (например, ПУТЬ, СЕМЬЯ) в соответствии с теорией концептуальной метафоры [Lakoff & Johnson, 1980]. Во-вторых, анализ местоимения первого лица множественного числа «мы» включал первоначальный количественный подсчёт частотности с последующим качественно-прагматическим анализом для определения референта и функции каждого случая употребления, различая инклюзивное «мы» (нация), эксклюзивное «мы» (правительство) и неоднозначное «королевское мы», используемое для создания чувства единства [Chilton, 2004; Wilson, 1990]. Для обеспечения аналитической строгости надёжность кодирования рассчитывалась с использованием коэффициента каппа Коэна на 20% выборки, что дало показатель 0,87, а результаты обеих аналитических фаз последовательно триангулировались и контекстуализировались в рамках конкретного социально-политического ландшафта каждой страны для обеспечения обоснованной и точной интерпретации дискурсивного конструирования национальной идентичности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный компаративный анализ инаугурационных речей президентов Узбекистана, России и США выявил системное использование лингвистических средств для конструирования национальной идентичности, что полностью соответствует теоретическим положениям критического дискурс-анализа о языке как инструменте идеологического воздействия [Fairclough, 1992; Wodak, 2011]. Полученные результаты демонстрируют как универсальные дискурсивные стратегии, характерные для жанра инаугурационной речи в целом [Campbell & Jamieson, 2008], так и существенные культурно-обусловленные различия в актуализации концепта национальной идентичности. Выявленные особенности метафорического моделирования и функционирования категории лица «мы» позволяют говорить о формировании особых моделей национальной самоидентификации: узбекской, основанной на идее органического единства и семейной солидарности; российской, опирающейся на цивилизационную уникальность и историческую преемственность; и американской, ориентированной на гражданско-политическое единство в условиях внутреннего разнообразия. Данные различия отражают не только специфику политических культур, но и различные стадии и условия формирования национальной идентичности в этих государствах, что согласуется с исследованиями национально-культурных особенностей политического дискурса [Шейгал, 2004; Каримова, 2021].

Сравнительный анализ инаугурационных речей президентов Узбекистана, России и США выявил значимые различия в использовании метафор *путь*, *строительство* и *развитие*, отражающие специфику национально-политических дискурсов (см. Таблицу 1. Данные метафоры, согласно теории

концептуальной метафоры Г. Лакоффа и М. Джонсона, служат мощным инструментом концептуализации политических процессов и формирования коллективных представлений о будущем [Lakoff & Johnson, 1980].

Таблица 1.

Сравнительный анализ метафор в инаугурационных дискурсах

Тип метафоры	Узбекистан	Россия	США
Путь	« <i>Tong oldiga yo`l</i> » (Путь к светлому будущему), « <i>tanlangan yo`l</i> » (избранный путь)	«Исторический путь», «особый путь»	«Путь к более совершенному союзу», «дорога прогресса»
Строительство	« <i>Yangi O`zbekiston qurish</i> » (строительство Нового Узбекистана), « <i>mustaxkam пойdevor</i> » (прочный фундамент)	«Возрождение великой России», «построение сильного государства»	«Построение более справедливого общества», «создание возможностей»
Развитие	« <i>Taxdidlardan fursatlar yaratish</i> » (создание возможностей из угроз), « <i>taraqqiyot</i> » (развитие)	«Модернизация», «прорывное развитие»	«Инновационный рост», «устойчивое развитие»

На основе проведенного анализа можно отметить, что в узбекском дискурсе преобладают метафоры органического развития и строительства, акцентирующие идею постепенного преобразования и преемственности. Ш. Мирзиёев использует метафору «строительства Нового Узбекистана», подчеркивая коллективный характер усилий и опору на национальные традиции [Каримова, 2021]. Метафора *путь* («*tanlangan yo`l*») предполагает движение по заранее определенному, проверенному направлению.

В российском дискурсе доминируют метафоры исторического пути и возрождения, апеллирующие к прошлому величию и особой цивилизационной миссии. В. Путин активно использует метафоры «*исторический путь*» и «*возрождение*», создавая нарратив преемственности и восстановления утраченного статуса [Морозов, 2015]. Эти метафоры подчеркивают уникальность российского развития и его отличие от западных моделей.

В американском дискурсе преобладают метафоры прогресса и совершенствования, ориентированные на будущее и подчеркивающие возможность улучшения существующей системы. Дж. Байден использует метафоры «*пути к более совершенному союзу*» и «*построения справедливого общества*», отражающие идею постоянного совершенствования и адаптации к новым вызовам [Beasley, 2004].

Различия в метафорическом моделировании отражают глубокие культурно-политические различия: ориентацию на традицию и стабильность в узбекском дискурсе, апелляцию к историческому величию в российском и фокус на прогресс и совершенствование в американском. Эти выводы согласуются с исследованиями национально-культурных особенностей политической

коммуникации и подтверждают тезис о культурной обусловленности политического дискурса [Шейгал, 2004; Wodak, 2011].

Рассматриваемый анализ следующей категории инаугурационных речей выявил фундаментальные различия в использовании метафор *семья*, *род* и *дом*, отражающих глубинные культурно-цивилизационные особенности трех политических дискурсов (см. Таблицу 2). Данные метафоры, согласно исследованиям Г. Лакоффа, формируют базовые когнитивные модели восприятия политической реальности и играют ключевую роль в конструировании национальной идентичности [Lakoff, 2002].

Таблица 2.

Сравнительный анализ метафор семьи и дома в политическом дискурсе

Аспект анализа	Узбекистан	Россия	США
Ключевые метафоры	« <i>Bir oila</i> » (одна семья), « <i>Mahalla</i> », « <i>Og`a-inilar</i> » (братья)	« <i>Большая семья народов</i> », « <i>Родная земля</i> », « <i>Отец нации</i> »	« <i>Нация-семья</i> », « <i>Дом свободы</i> », « <i>Отцы-основатели</i> »
Социальный контекст	Гармония иерархических отношений, коллективная ответственность	Историческое родство, духовная общность	Добровольное объединение, гражданская солидарность
Политическая функция	Легитимация через традиционные ценности и патернализм	Мобилизация через апелляцию к историческому единству	Интеграция через общие гражданские идеалы
Культурные источники	Традиция махаллы, исламские ценности, общинность	Православная соборность, имперское наследие	Идеология мелиоризма, пуританская община

В узбекском политическом дискурсе центральное место занимает уникальный концепт «*mahalla*» (соседская община), который служит фундаментальной метафорой социального устройства. Как отмечает Г. Каримова, *махалла* представляет собой «микромодель узбекского общества, основанную на принципах взаимопомощи, иерархии и коллективной ответственности» [Каримова, 2021]. Президент Ш. Мирзиёев использует эту метафору для конструирования образа национального единства: «*Biz bir oilamiz, bir mahallamiz*» («Мы одна семья, одна община»), подчеркивая органический характер социальных связей.

В российском дискурсе доминирует метафора «*большая семья народов*», восходящая к имперской и советской традиции. Как отмечает В. Морозов, эта метафора «акцентирует идею исторического родства и духовной общности, преодолевающей этнические различия» [Морозов, 2015]. В. Путин использует образ «*родной земли*» и «*отца нации*», апеллируя к патриархальным ценностям и вертикальной солидарности.

В американском дискурсе метафора *семья* приобретает добровольный, договорной характер. Как отмечает В. Бисли, «*нация-семья*» в американской традиции основана на «сознательном выборе и разделении общих идеалов,

а не на кровном родстве» [Beasley, 2004]. Дж. Байден использует метафору «*дома свободы*», подчеркивая возможность интеграции через принятие общих ценностей.

Проведенный анализ показывает, что метафора *семья* выполняет в трех дискурсах различные функции: в узбекском - сохраняет традиционную иерархическую структуру, в российском - мобилизует через апелляцию к историческому единству, в американском - интегрирует через общие гражданские идеалы. Эти различия отражают различные модели национальной идентичности: органическую в Узбекистане, историко-цивилизационную в России и гражданско-политическую в США.

Сопоставление инаугурационных речей показало принципиальные различия в функционировании метафор *история, судьба и наследие*, отражающих различные модели исторического сознания и способы легитимации власти через апелляцию к прошлому (см. Таблицу 3). Согласно исследованиям Р. Водак, политическое использование метафоры *история* служит мощным инструментом конструирования коллективной идентичности и мобилизации общества [Wodak, 2011].

Таблица 3.

Сравнительный анализ метафор истории и наследия

Аспект анализа	Узбекистан	Россия	США
Ключевые метафоры	« <i>Merosi olixona</i> » (духовное наследие), « <i>Bobolarimizdan qolgan vasiyat</i> » (завет предков)	«Тысячелетняя история», «Историческая миссия», «Преемственность поколений»	« <i>Founding Fathers</i> », « <i>More Perfect Union</i> », « <i>American Experiment</i> »
Временной горизонт	Глубинная историческая перспектива (от Тимуридов до современности)	Циклическое время (возрождение величия)	Линейный прогресс (движение к более совершенному союзу)
Способы легитимации	Преемственность традиций и мудрости предков	Историческое предназначение и особая миссия	Верность идеалам отцов-основателей
Культурные источники	Наследие Великого шелкового пути, исламская культура, традиция просвещения	Православная традиция, имперское наследие, советское прошлое	Пуританская эсхатология, революционное наследие, идея мелиоризма

В узбекском дискурсе доминирует метафора «*Merosi olixona*» (духовное наследие), акцентирующая непрерывность культурной традиции. Как отмечает Г.Каримова, «обращение к наследию Тимуридов, исламских ученых и деятелей просвещения служит созданию образа Узбекистана как наследника великой цивилизации» [Каримова, 2021]. Президент Ш.М. Мирзиёев использует метафору «*Bobolarimizdan qolgan vasiyat*» (завет предков), подчеркивая ответственность перед прошлыми поколениями.

В российском дискурсе центральное место занимает метафоры «*тысячелетняя история*» и «*историческая миссия*». Как отмечает В. Морозов, «апелляция к циклической модели времени позволяет конструировать нарратив возрождения и восстановления исторической справедливости» [Морозов, 2015]. В.В. Путин использует метафору «*преемственность поколений*», создавая образ России как субъекта исторического процесса с особой миссией.

В американском дискурсе доминирует метафора «*американский эксперимент*» и «*более совершенный союз*». Согласно В. Бисли, «исторический нарратив строится вокруг идеи постоянного совершенствования и движения к реализации изначальных идеалов» [Beasley, 2004]. Джо Байден использует метафору «*founding fathers*», акцентируя на не завершенности, а непрерывности процесса становления демократии.

Исходя из вышесказанного, на основе проведенного анализа можно выявить три различные модели репрезентации прошлого: в узбекском дискурсе - сохранение и приумножение наследия, в российском - исполнение исторической судьбы, в американском - совершенствование изначальных идеалов. Эти различия отражают различные типы исторического сознания: традиционное в Узбекистане, эсхатологическое в России и прогрессистское в США.

Подводя итоги, можно сказать, что проведенный сравнительный анализ выявил наличие устойчивых метафорических моделей, составляющих ядро конструирования национальной идентичности в политическом дискурсе каждой из исследуемых стран. Эти модели, отражая глубинные культурные коды и исторический опыт, служат ключевым инструментом дискурсивного оформления коллективного самосознания.

В узбекском дискурсе ядерной метафорической моделью выступает *семья/община (махалла)*, основанная на:

- Органической солидарности и иерархических отношениях.
- Коллективной ответственности и взаимопомощи.
- Преемственности традиций и мудрости предков.
- Гармонии социальных отношений.

Как отмечает Г. Каримова, данная модель «актуализирует традиционные ценности узбекского общества, представляя нацию как большую семью, объединенную общими целями и духовными идеалами» [Каримова, 2021].

В российском дискурсе центральное место занимает метафорическая модель *исторической судьбы и цивилизационной уникальности*, характеризующаяся:

- Идеей особого исторического пути и миссии.
- Циклической моделью времени (возрождение величия.)
- Духовной общностью и соборностью.
- Геополитической субъектностью.

По словам В. Морозова, эта модель «конструирует образ России как самостоятельной цивилизации, обладающей уникальным историческим опытом и предназначением» [Морозов, 2015].

В американском дискурсе доминирует метафорическая модель *незавершенного эксперимента и прогресса*, включающая:

- Идею постоянного совершенствования и мелиоризма.
- Добровольный гражданский союз на основе общих идеалов.
- Линейный прогресс и движение к более совершенному обществу.
- Универсализм демократических ценностей.

Как подчеркивает В. Бисли, данная модель «акцентирует не статичное состояние, а динамический процесс становления американской нации через реализацию изначальных идеалов» [Бисли, 2004].

Сравнительный анализ выявил следующие фундаментальные различия в способах концептуализации национальной идентичности:

- органическая общность в узбекском дискурсе;
- историко-цивилизационная уникальность в российском дискурсе;
- гражданско-политический проект в американском дискурсе.

Эти различия отражают различные типы национального самосознания и модели легитимации политического порядка, основанные на традиционных ценностях, историческом предназначении и гражданских идеалах соответственно.

Проведенный анализ метафорических моделей, конструирующих национальную идентичность в политическом дискурсе Узбекистана, России и США, выявил устойчивые культурно-обусловленные паттерны концептуализации коллективного «Мы». Однако метафоры, будучи мощным инструментом формирования образов и ассоциаций, получают свое завершение и практическое воплощение в непосредственном языковом структурировании субъекта дискурса через категорию лица, а именно — через стратегии использования местоимения первого лица множественного числа «Мы» (см. Таблицу 4).

Таблица 4.

Взаимосвязь метафорических моделей и функций инклюзивного «Мы»

Страна	Ключевая метафорическая модель	Референты инклюзивного «Мы»	Дискурсивная функция
Узбекистан	Семья/Община (Махалла)	«Мы-народ», «Мы-соотечественники», «Наша общая семья»	Консолидация на основе традиционных ценностей и коллективной ответственности
Россия	Историческая судьба и преемственность	«Мы-наследники», «Мы-народ-победитель», «Многонациональный народ России» Мобилизация через апелляцию к историческому величию	Мобилизация через апелляцию к историческому величию и духовной общности

США	Незавершенный эксперимент и прогресс	«Мы-народ», «Мы-нация», «Мы-американцы»	Интеграция на основе гражданской солидарности и общих идеалов
-----	--------------------------------------	---	---

Если метафорические модели (*семья, историческая судьба, незавершенный эксперимент*) задают содержательное наполнение национальной идентичности, определяя, кто мы есть, то категория лица и, в частности, феномен «инклюзивного Мы», выполняет перформативную и структурирующую функцию. Она актуально, в момент произнесения речи, создает и провозглашает это коллективное «Мы», устанавливая границы общности и включая в нее адресата.

Таким образом, логическим продолжением и необходимым дополнением метафорического анализа является прагматическое исследование функционирования местоимения «Мы». Центральное место в этом анализе занимает изучение инклюзивного референта «Мы», который стирает границу между говорящим (лидером) и аудиторией, объединяя их в единый субъект — народ, нацию, страну.

Этот инклюзивный «Мы»-дискурс служит мощным инструментом для:

- ❑ Создания солидарности и преодоления отчуждения между властью и обществом.
- ❑ Легитимации политического курса, поскольку он представляется как общая воля и общая цель всего народа.
- ❑ Мобилизации и сплочения перед лицом внешних или внутренних вызовов.

Следовательно, анализ конкретных референтов и контекстуальных функций инклюзивного «Мы» в инаугурационных речах позволяет перейти от уровня концептуального моделирования идентичности к уровню ее непосредственного языкового конструирования, что раскрывает механизм превращения идеологического посыла в перформативный акт единения.

Анализ инклюзивного «Мы», референтом которого выступает единая общность («мы-народ», «мы-нация»), раскрывает лишь одну сторону сложного механизма конструирования политической идентичности. Однако, как справедливо отмечает Ван Дейк, политический дискурс характеризуется постоянным «балансированием между стратегиями интеграции и дифференциации» [T. van Dijk, 1998; 205]. Логическим продолжением поэтому является исследование эксклюзивного «Мы», референтная структура которого сужается до властной элиты, правительства или правящей группы («мы-власти») (см. Таблицу 5). Соотношение этих двух типов местоименного употребления представляет особый интерес для понимания того, как в дискурсе выстраиваются отношения между народом и властью.

Таблица 5.

Соотношение инклюзивного и эксклюзивного «Мы» в политическом дискурсе

Критерий	Инклюзивное «Мы» (Мы-Народ)	Эксклюзивное «Мы» (Мы-Власти)	Взаимодействие и динамика
----------	-----------------------------	-------------------------------	---------------------------

Референт	Говорящий + весь народ/нация	Говорящий + правительство/администрация	Создание эффекта единства или дистанции
Дискурсивная функция	Консолидация, легитимация через отождествление	Разграничение ответственности, апелляция к авторитету	Переключение кодов в зависимости от контекста
Стратегия	Стирание границ между властью и народом	Подчеркивание представительства и компетенции власти	Баланс между близостью и иерархией
Примеры	<i>«Вместе мы достигнем процветания»</i>	<i>«Мы примем необходимые меры»</i>	<i>«Мы, народ, доверяем нам, властям, мандат на реформы»</i>

Эти два типа «Мы» находятся в диалектическом отношении. Как показывает П. Чилтон, «инклюзивное «Мы» служит для создания образа общности, в то время как эксклюзивное — для обозначения субъекта действия и ответственности» [Chilton, 2004; 58]. Их стратегическое чередование позволяет говорящему решать ключевую задачу: одновременно представлять себя частью народа и руководителем, обладающим особыми полномочиями и компетенцией.

Например, заявление «Мы как нация стремим к миру, и мы предпримем все дипломатические усилия для его достижения» иллюстрирует это взаимодействие. Первое «мы» — инклюзивное, апеллирующее к общим ценностям. Второе — эксклюзивное, обозначающее субъект конкретных действий (правительство). Эта механика, по словам Р. Водак, создает «иллюзию единства воли народа и действий власти» [Wodak, 2011; 52].

Следовательно, переход к анализу эксклюзивного «Мы» позволяет перейти от изучения риторики единства к исследованию дискурсивного оформления властной вертикали и распределения ответственности. Это раскрывает, как в рамках одного выступления конструируется сложная картина социально-политических отношений, где лидер одновременно является и частью коллективного «Мы-нации», и главой институционального «Мы-власти».

Анализ эксклюзивного «Мы» референтом которого выступает властная элита или правительство, раскрывает важный аспект стратификации политического дискурса. Однако, как отмечает Р. Водак, «идентичность конституируется не только через самоописание, но и через дифференциацию от Другого» [Wodak, 2011; 79]. Это закономерно приводит нас к необходимости исследования бинарной оппозиции «Мы — Они», которая служит фундаментальным механизмом определения границ коллективной идентичности.

Данная оппозиция может принимать как явные, так и скрытые формы, что отражает её стратегическую гибкость в политической коммуникации. Согласно Т. ван Дейку, «конструирование образа Другого позволяет мобилизовать группу вокруг общих ценностей и внешних угроз» [T. van Dijk, 1998; 67]. Далее приводится объяснение вышесказанного (см. Таблицу 6).

Таблица 6.

Стратегии конструирования оппозиции «Мы — Они»

Критерий	Явная оппозиция	Скрытая оппозиция
Референты «Они»	Конкретные государства, организации, внутренние «предатели»	Абстрактные явления: коррупция, терроризм, кризисы прошлых лет
Лингвистические маркеры	Прямые номинации, местоимения «ОНИ», «ТЕ»	Пассивные конструкции, безличные предложения, метафоры угрозы
Функция	Прямая мобилизация через идентификацию врага	Косвенная консолидация через отрицание негативного прошлого/явлений
Примеры	«Они пытаются ослабить нашу страну»	«Нам мешают трудности, унаследованные от прошлого»

Как показывает анализ инаугурационных речей, в узбекском дискурсе преобладает скрытая оппозиция, где «Они» редко персонализируются, а представлены как абстрактные «вызовы», «угрозы» или «трудности прошлых лет». Это согласуется с выводом Г. Каримовой о том, что «узбекский политический дискурс избегает прямой конфронтации, акцентируя позитивную программу действий» [Каримова, 2021; 112].

В российском дискурсе наблюдается смешанная стратегия: наряду с абстрактными «внешними вызовами» постепенно проявляется и более явное противопоставление «Западу» как носителю чуждых ценностей. Как отмечает В. Морозов, «образ Другого в российском дискурсе часто строится на цивилизационном противопоставлении» [Морозов, 2015; 89].

В американском дискурсе оппозиция часто направлена внутрь, где «Они» — это не внешний враг, а внутренние проблемы (расизм, неравенство), которые должны быть преодолены коллективным «Мы». По словам В. Бисли, «американский дискурс часто использует риторику преодоления внутренних расколов» [Beasley, 2004; 134].

Таким образом, переход к анализу оппозиции «Мы — Они» позволяет выявить не только способы консолидации общества вокруг общих ценностей, но и стратегии определения и легитимации внешних и внутренних угроз, что является неотъемлемой частью конструирования национальной идентичности в политическом дискурсе.

Анализ оппозиции «Мы — Они», выявляющий конструирование образа Другого через внешние вызовы, трудности или проблемы прошлого, демонстрирует, как формируются границы национальной идентичности. Однако, как отмечает П. Чилтон, «политический дискурс балансирует между коллективным действием и индивидуальной волей лидера» [Chilton, 2004; 112]. Это закономерно приводит к необходимости исследования количественного соотношения и функционального распределения местоимений «Мы» и «Я» в инаугурационных речах, что позволяет определить степень персонализации власти и доминирования коллективной идентичности над индивидуальной (см. Таблицу 7).

Таблица 7.

Соотношение местоимений «Мы» и «Я» в инаугурационных речах

Страна / Оратор	Общее количество «Мы» (%)	Общее количество «Я» (%)	Соотношение «Мы»/«Я»	Ключевые дискурсивные функции «Я»
Узбекистан (Ш.М. Мирзиёев, 2021)	87%	13%	6.7 : 1	Принятие обязательств («я обещаю»), выражение личной приверженности общим целям
Россия (В.В. Путин, 2018)	82%	18%	4.6 : 1	Акцент на роли гаранта Конституции («я как президент»), символическое воплощение власти
США (Дж.Байден, 2021)	76%	24%	3.2 : 1	Личное свидетельство («я знаю по опыту»)

Как показывают данные количественного анализа, во всех трёх случаях доминирует коллективное «Мы», что соответствует жанру инаугурационной речи как «дискурса единения» [Campbell & Jamieson, 2008]. Однако степень этого доминирования варьируется, отражая культурно-политический контекст. Наибольшее преобладание «Мы» наблюдается в речи узбекского лидера (87%), что согласуется с выводом Г. Каримовой о «примате коллективных ценностей в узбекском политическом дискурсе» [Каримова, 2021; 156].

Речь российского президента демонстрирует слегка большее присутствие «Я» (18%), что, по мнению В. Морозова, «подчеркивает роль лидера как персонификации государства и гаранта стабильности» [Морозов, 2015; 78]. В американском дискурсе доля «Я» максимальна (24%), что отражает, согласно В. Бисли, «культурную модель лидерства, сочетающую апелляцию к общим ценностям с элементами персонализированного нарратива» [Beasley, 2004; 92].

Дискурсивные функции «Я» также различаются. В узбекском контексте «Я» служит инструментом выражения смирения и служения общим целям. В российском — подчеркивает институциональную роль и волю лидера. В американском — создает эффект личной вовлеченности и эмоциональной связи с аудиторией.

Таким образом, количественный и функциональный анализ местоимений раскрывает лёгкий баланс между коллективным и индивидуальным началами, показывая, как культурные модели лидерства и жанровые ожидания формируют риторические стратегии конструирования власти и идентичности.

Категория «Мы» в инаугурационных речах выполняет ключевую роль в конструировании модели идеального общества и определении места лидера в нём. Через инклюзивное «Мы» («мы-народ») формируется образ коллективного будущего: в узбекском дискурсе — иерархическая общность на основе ценностей махалли, в российском — исторически обусловленная духовная общность, в

американском — добровольный гражданский союз. Соотношение «Мы» и «Я» определяет роль лидера: от слуги народа и хранителя традиций (Узбекистан, минимальное «Я») до воплощения государственной воли (Россия) и выразителя общей воли (США). Стратегии использования «Мы» отражают культурно-обусловленные модели легитимации власти и национальной идентичности, выступая механизмом дискурсивного конструирования социальной реальности.

ВЫВОДЫ

Проведенное сравнительное исследование языковых средств актуализации национальной идентичности в инаугурационных речах президентов Узбекистана, России и США позволило выявить как универсальные дискурсивные стратегии, характерные для жанра инаугурационной речи в целом, так и существенные культурно-обусловленные различия, отражающие специфику политических культур и моделей национальной идентичности.

Анализ метафорических моделей показал, что в основе конструирования национальной идентичности лежат различные концептуальные доминанты. В узбекском дискурсе доминирует метафора *семьи/общины* (махалли), актуализирующая ценности коллективной солидарности, иерархической гармонии и преемственности традиций. Российский дискурс характеризуется метафорами *исторической судьбы и цивилизационной уникальности*, подчеркивающими особый путь и духовную общность. Американский дискурс строится на метафорах *незавершенного эксперимента и прогресса*, отражающих идею постоянного совершенствования и гражданской солидарности на основе общих идеалов.

Исследование категории лица «Мы» выявило ее ключевую роль в дискурсивном конструировании социальной реальности. Стратегии использования инклюзивного «Мы» («мы-народ») направлены на создание образа коллективного единства, в то время как эксклюзивное «Мы» («мы-власти») определяет границы иерархии и ответственности. Количественный анализ показал различное соотношение «Мы» и «Я»: максимальное доминирование коллективного начала в узбекском дискурсе (87%), умеренное — в российском (82%) и относительно более высокая доля индивидуального начала — в американском (76%).

Соотношение метафорических моделей и стратегий использования категории «Мы» позволило выявить три различных модели конструирования национальной идентичности:

1. Органическая модель (Узбекистан), основанная на традиционных ценностях и коллективной солидарности.
2. Историко-цивилизационная модель (Россия), акцентирующая уникальность пути и духовную общность.
3. Гражданско-политическая модель (США), подчеркивающая добровольный союз на основе общих идеалов.

Проведенное исследование вносит определенный вклад в развитие

политической лингвистики и критического дискурс-анализа, демонстрируя, как языковые средства служат инструментом идеологического воздействия и конструирования национальной идентичности. Выявленные особенности отражают глубинные культурные коды и исторический опыт народов, что подтверждает тезис о культурной обусловленности политического дискурса.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса анализируемых текстов, включением других жанров политического дискурса, а также применением корпусных методов анализа для верификации полученных результатов.

LITERATURA

1. Beasley, V.B. (2004). *You, the People: American National Identity in Presidential Rhetoric*. College Station: Texas A&M University Press.
2. Campbell, K.K., & Jamieson, K.H. (2008). *Presidents Creating the Presidency: Deeds Done in Words*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Charteris-Black, J. (2004). *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. London: Palgrave Macmillan.
4. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
5. Chilton, P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.
6. Chudinov, A.P. (2020). *Politicheskaya lingvistika*. Moskva.: Flinta; Nauka.
7. Corpus of Presidential Speeches (CORPRES) // Lancaster University. URL: <https://www.lancaster.ac.uk/corpres>
8. Demyankov, V.Z. (2002). Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologiyi // *Politicheskaya nauka*, 3, 32-43.
9. Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 2nd ed. London: Longman.
10. Fairclough, N. (2015). *Language and Power*. 3rd ed. London: Routledge.
11. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. January 20, 2021 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/>
12. Inauguratsionnaya rech Prezidenta Respubliki Uzbekistan Sh.M.Mirziyoyeva. 6 noyabrya 2021 g. // ofitsialniy sayt Respubliki Uzbekistan. URL: <https://president.uz/uz/lists/view/4386>
13. Inauguratsionnaya rech Prezidenta rossiyskoy Federatsii V.V.Putina. 7 maya 2018 g. // Ofitsialniy internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070001>
14. Karasik, V.I. (2002). *Yazikovoy krug: lichnost, konsepti, diskurs*. Volgograd: Peremena.
15. Karimova, G.I. (2021). *Diskurs natsionalnoy identichnosti v sovremennom Uzbekistane*. Tashkent: Fan.
16. Lakoff, G. (2002). *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. Chicago: University of Chicago Press.
17. Lakoff, G., & Johnson M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
18. Metaphor Identification Procedure (MIPVU) // Vrije Universiteit Amsterdam. URL: <https://www.vu.nl/mipvu>
19. Mirziyoyev, Sh.M. (2021). *Yangi O'zbekiston strategiyasi*. Toshkent: O'zbekiston.
20. Morozov, V.A. (2015). *Politicheskii diskurs dukupc kak otrajeniye natsionalnoy identichnosti*. Moskva.: RGGU.
21. Parshin, P.B. (2018). Lingvisticheskiye metodi v issledovaniyax politicheskogo diskursa.

- Politicheskaya lingvistika*, 2(68), 43-51.
22. Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London: Routledge.
 23. Shamsiyev, F.Sh. (2019) *Istoricheskiye allyuzii v politicheskoy kommunikasi Uzbekistana*. Samarkand: Imom Buxoriy.
 24. Sheygal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moskva.: Gnozis.
 25. Smirnova, E.A. (2015). *Metafora v politicheskom diskurse: kognitivniy i kommunikativniy aspekti*. Sankt Peterburg.: Izdatelstvo SPbGU.
 26. Thompson, M. (2012). *Anglo-American Political Communication*. New York: Routledge.
 27. Van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
 28. Van Dijk, T.A. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications.
 29. Wodak, R. (2011). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
 30. Wodak, R., & Meyer, M. (eds.) (2016). *Methods of Critical Discourse Studies*. 3rd ed. London: Sage.

REFERENCES

1. Beasley, V. B. (2004). *You, the People: American National Identity in Presidential Rhetoric*. College Station: Texas A&M University Press.
2. Campbell, K. K., & Jamieson, K. H. (2008). *Presidents Creating the Presidency: Deeds Done in Words*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Charteris-Black, J. (2004). *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. London: Palgrave Macmillan.
4. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
5. Chilton, P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.
6. Chudinov, A. P. (2020). *Political Linguistics*. Moscow: Flinta; Science.
7. Corpus of Presidential Speeches (CORPRES). (n.d.). Lancaster University. Retrieved from <https://www.lancaster.ac.uk/corpres>
8. Demyankov, V. Z. (2002). Political discourse as a subject of political philology. *Political Science*, 3, 32-43.
9. Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. (2nd ed.) London: Longman.
10. Fairclough, N. (2015). *Language and Power*. (3rd ed.) London: Routledge.
11. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. (2021, January 20). The White House. Retrieved from <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/>
12. Inaugural speech of the President of the Republic of Uzbekistan Sh.M. Mirziyoyev. November 6, 2021. (n.d.). Official website of the Republic of Uzbekistan. Retrieved from <https://president.uz/uz/lists/view/4386>
13. Inaugural speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin. May 7, 2018. (n.d.). Official internet portal of legal information. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070001>
14. Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Change.
15. Karimova, G. I. (2021). *Discourse of national identity in modern Uzbekistan*. Tashkent: Subject.
16. Lakoff, G. (2002). *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. Chicago: University of Chicago Press.
17. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
18. Metaphor Identification Procedure (MIPVU). (n.d.). Vrije Universiteit Amsterdam.

- Retrieved from <https://www.vu.nl/mipvu>
19. Mirziyoyev, Sh. M. (2021). *The New Uzbekistan Strategy*. Tashkent: Uzbekistan.
 20. Morozov, V. A. (2015). *Political discourse as a reflection of national identity*. Moscow: RGGU.
 21. Parshin, P. B. (2018). Linguistic methods in political discourse research. *Political Linguistics*, 2(68), 43-51.
 22. Reisigl, M., & Wodak, R. (2001). *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London: Routledge.
 23. Shamsiyev, F. Sh. (2019). *Historical allusions in the political communication of Uzbekistan*. Samarkand: Imam Bukhari.
 24. Sheygal, E. I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis.
 25. Smirnova, E. A. (2015). *Metaphor in political discourse: cognitive and communicative aspects*. Saint Petersburg: Publisher SPbGU.
 26. Thompson, M. (2012). *Anglo-American Political Communication*. New York: Routledge.
 27. Van Dijk, T. A. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications.
 28. Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
 29. Wodak, R. (2011). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
 30. Wodak, R., & Meyer, M. (Eds.). (2016). *Methods of Critical Discourse Studies*. (3rd ed.). London: SAGE Publications.